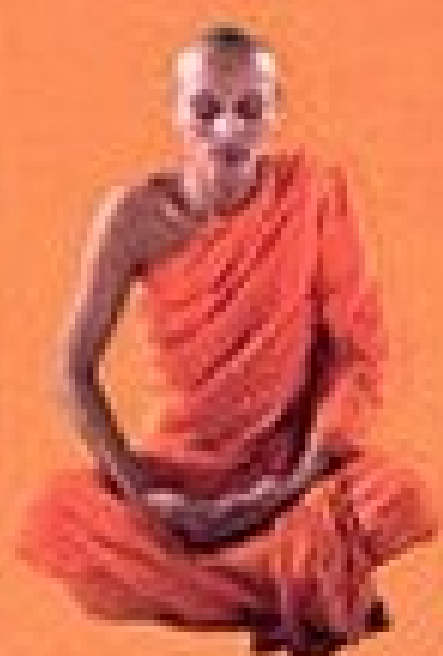

РОБИН

ШАРМА

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
КНИГА
СОННОСТИМНОЗ
УНИВЕРСИТЕТА
ПРИРОДОКОРМ
ИЛИТЕРАТУРА

СВОЙ «ФЕЯРИ»

МОНАХ, КОТОРЫЙ

Ставшая бестселлером во многих странах мира книга Робина Шармы рассказывает нам необыкновенную историю Джулиана Мэнтла – адвоката-миллионера, которому довелось пережить духовный кризис. Погружение в древнюю культуру изменяет его жизнь; он открывает для себя действенные, мудрые практические знания, которые учат нас:

- радостно мыслить;
 - жить согласно своему призванию;
 - осознать силу своего ума и действовать мужественно;
 - беречь время – наше самое большое достояние;
 - дорожить взаимоотношениями с другими людьми;
 - жить настоящим.
-
-

Монах, который продал свой «феррари»

*Моему сыну Колби,
который каждый день напоминает мне
о всём хорошем, что есть в нашем мире.
Да благословит тебя Господь.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знак к пробуждению

Жизнь для меня – это не свеча, это горящий факел, данный мне на время, и я хочу, чтобы он горел как можно ярче, прежде чем я передам его будущим поколениям.

Джордж Бернард Шоу

Он просто рухнул на пол в переполненном зале суда. Он был одним из самых авторитетных адвокатов в стране. Он в равной степени прославился как своими итальянскими костюмами по три тысячи долларов каждый, облакающими его упитанное тело, так и чередой с блеском выигранных процессов. А я застыл на месте, оцепенев оттого, что происходило на моих глазах. Великий Джулиан Мэнтл был сейчас низведен до уровня жертвы и корчился по полу, как беспомощный младенец. Его покрытое потом тело вздрагивало, как у умалишенного.

Все происходящее потом виделось мне как в замедленной съемке. «О Боже, С Джулианом плохо!» – вскрикнула его помощница, указывая нам на ошеломляющую очевидность происходящего. Судья выглядела растерянной и что-то быстро говорила по телефону, специально установленному для нее на случай чрезвычайных обстоятельств. Я же просто застыл, потрясенный. Пожалуйста, не умирай, старый дуралей. Тебе еще рано выходить из игры. Ты не заслужил подобной смерти.

Судебный исполнитель, неподвижно сидевший до этого, как набальзамированный истукан, ринулся в бой и стал делать искусственное дыхание поверженной легенде правосудия. Рядом склонилась помощница, ее длинные светлые кудри свесились над багровым лицом Джулиана. Она нашептывала слова утешения, которые он, конечно же, слышать не мог.

Я знал Джулиана семнадцать лет. Когда мы познакомились, я был молодым студентом юрфака, и один из его партнеров нанял меня на летнюю практику. Джулиан к тому времени уже был блестящим адвокатом, человеком красивым и бесстрашным, грезившим о собственном величии. Он был восходящей звездой своей фирмы, ему прочили блестящую карьеру. Помню, как однажды я засиделся допоздна на работе и, украдкой заглянув в его роскошный угловой кабинет, обнаружил там на массивном дубовом столе рамку с высказыванием Уинстона Черчилля. Эта цитата многое говорила о том, что за человек был Джулиан.

Убежден, что сегодня мы – хозяева своей собственной судьбы, что нам по силам превозмочь испытания, которые выпали на нашу долю; что преодолеть бремя трудов и страданий мне по плечу. И пока мы свято верим в наше дело и наша воля к победе несгибаема, победу у нас не отнять.

И поступки Джулиана не расходились со словами. Выносливый, энергичный и напористый, он был готов работать по восемнадцать часов в сутки ради успеха, который, по его убеждению, и был его предназначением. До меня доходили слухи, что его дед был известным сенатором, а отец очень авторитетным федеральным судьей. Было видно, что Джулиан вырос в зажиточной семье и что на своих плечах, облаченных в пиджак от Армани, он нес надежды и ожидания своей семьи. Но должен признать: он сам выбирал свою дорогу. Он был настроен все делать по-своему – и любил устраивать представления.

Театральные выходы Джулиана в зале суда не сходили с первых страниц газет. Богатые и знаменитые стекались к нему толпами в поисках превосходного юриста, нахрапистого, блестящего тактика. Его поведение вне зала суда, безусловно, тоже было всеобщим достоянием.

На нашей фирме ходили легенды о его ночных визитах в лучшие рестораны города с молодыми и сексапильными фотомоделями и о его бесшабашных пьяных оргиях с компанией любивших поскандалить брокеров, именуемой им «моей подрывной командой».

В то лето он выступал в качестве защитника в одном сенсационном деле об убийстве. Не могу толком понять, почему именно меня он выбрал своим помощником. Хотя я закончил юридический факультет Гарварда, alma mater Джулиана, я, безусловно, не был самым толковым практикантом на его фирме, а мое генеалогическое древо не содержало голубых кровей. Недолго прослужив в Военно-морском флоте, мой отец всю оставшуюся жизнь проработал охранником в местном банке. А моя мать выросла без особого шика в Бронксе.

И все же он выбрал именно меня из целой толпы соискателей, желающих получить место его помощника на процессе, впоследствии названном «процессом всех процессов об убийствах»: ему понравилась моя «голодная хватка». Мы, разумеется, выиграли, и управляющий фирмы, которому предъявлялось обвинение в зверском убийстве жены, стал свободным человеком – настолько свободным, насколько ему это позволяли остатки совести.

В то лето я много чему научился. Это был не просто урок того, как возбудить сомнение там, где его нет и в помине. Любой адвокат, который не зря ест свой хлеб, с этим бы справился. Это был урок в психологии победы – и редкая возможность наблюдать работу мастера. Я впитывал все, как губка.

По приглашению Джулиана я стал сотрудником его фирмы. Между нами быстро установились по-настоящему дружеские отношения. Признаюсь, работать с ним было нелегко. Обязанности его помощника предполагали нервотрепку, перераставшую порой в ночные крикливые споры. Это было его стилем. Этот человек не мог ошибаться. Однако за его жесткой внешностью скрывался некто, кому окружающие были явно небезразличны.

Как бы он ни был занят, он всегда спрашивал о Дженни, которую я все еще называю «своей невестой» – хотя мы с ней поженились еще до моего поступления на юрфак. Узнав от другого практиканта, что у меня проблемы с деньгами, Джулиан выбил мне приличную стипендию. Безусловно, он мог вести жесткую игру с самыми сильными соперниками и, безусловно, любил и покутить, но в то же время никогда не забывал о своих друзьях. Проблема заключалась в том, что Джулиан был одержим своей работой.

В первые годы он оправдывал свои долгие часы работы тем, что «делает это для блага фирмы» и что «следующей зимой уж точно» возьмет месяц отпуска и съездит на Каймановы острова. Однако время шло, о блестящих успехах Джулиана узнавали все больше, а работы все прибавлялось. Ему предлагали вести все более серьезные и интересные дела, и Джулиан, не привыкший отступать, выкладывался все больше и больше. В редкие спокойные минуты он признавался, что не может спать больше пары часов, не просыпаясь от чувства вины, что не работает над документами по делу. Скоро мне стало ясно, что он был поглощен жадной большего – еще большего престижа, славы и денег.

Как и ожидалось, все у него складывалось чрезвычайно удачно. Он достиг всего, о чем мечтает большинство: профессиональной репутации звезды с доходом, выразившимся семизначной цифрой, с роскошным особняком в районе, где селились знаменитости, с личным самолетом, виллой на тропическом острове и с его гордостью – сверкающим красным «феррари», припаркованным прямо на дороге, ведущей к особняку.

И все же я знал, что все обстояло не так чудесно, как могло показаться. Я ощущал, что над ним нависла угроза, – не потому, что был проницательнее других на фирме, а просто потому, что проводил с ним больше времени. Мы всегда были вместе, потому что всегда работали. Спешка никогда не спадала. На подходе всегда было какое-то громкое дело, еще крупнее предыдущего. А при подготовке к процессу Джулиан не знал, что значит «достаточно». А что

случится, если судья, не приведи господь, задаст этот вопрос или тот? Что будет, если мы недостаточно изучили обстоятельства дела? Что произойдет, если его застигнут врасплох в переполненном зале суда, как оленя, пойманного в лучи автомобильных фар? И мы выкладывались, и меня так же затягивало в его мирок, ограниченный пределами работы. Мы превратились в двух рабов, прикованных к часовой стрелке, окопавшихся на 64-м этаже монолитного здания из стекла и бетона. И в то время как большинство нормальных людей сидели дома в кругу семьи, мы, влекомые миражом успеха, думали, что ухватили бога за бороду.

Чем больше времени я проводил с Джулианом, тем лучше видел, что он закапывает себя все глубже. Словно над ним довлела тяга к смерти. Он никогда ничем не был доволен. В конце концов, его брак распался, он перестал общаться со своим отцом и, хотя о его материальном благополучии мог мечтать любой, он так и не нашел того, что искал. Эмоциональное, физическое и, конечно же, духовное опустошение давало о себе знать.

В возрасте 53 лет Джулиан выглядел стариком, которому перевалило за семьдесят. В результате его бескомпромиссного подхода к жизни по принципу «пленных не брать» и чудовищного стресса, вызванного рваным ритмом бытия, его лицо избородили глубокие морщины. От полуночных обедов в дорогих французских ресторанах, толстых кубинских сигар и коньяка, который он пил рюмка за рюмкой, он до неприличия растолстел. Он все время плакался, что устал от своей усталости. Он утратил чувство юмора и, кажется, навсегда разучился смеяться. Некогда энергичный характер Джулиана уступил место смертельной мрачности. Лично я думаю, что его жизнь утратила всякий смысл.

Увы, но, похоже, и острота реакции в зале суда стала его покидать. Если прежде он ошеломлял присутствующих своими красноречивыми и безупречными аргументами, то теперь он часами разводил философию по вопросам, которые имели отдаленное, если вообще имели, отношение к ходу судебного разбирательства. Там, где прежде он изящно парировал реплики противоположной стороны, теперь он прибегал к едкому сарказму, испытывая терпение судей, ранее считавших его гением юриспруденции. Словом, жизненный огонек Джулиана начал мерцать и подрагивать.

Это было не просто напряжение бешеного ритма жизни, превращавшего его в кандидата на раннюю кончину. Я чувствовал, что причина здесь глубже. Это было похоже на духовный кризис. Почти каждый день он говорил мне, что утратил вкус к работе, что вокруг пустота. Начинаящим юристом, говорил Джулиан, он действительно любил Закон, хотя и попал в юриспруденцию благодаря социальному положению родителей. Тонкости права и уровень предлагаемых проблем очаровывали его и наполняли энергией. Он был вдохновляем и движим уже самой способностью Закона влиять на социальные перемены. Тогда он был не просто отпрыском богатой семьи из Коннектикута. Он и вправду считал себя призванным использовать свой очевидный дар на благо другим. Это представление придавало смысл его жизни. Оно указывало ему цель и окрыляло душу.

Среди причин краха Джулиана, кроме пошатнувшегося интереса к своей профессиональной деятельности, было кое-что еще. Задолго до моего прихода на фирму он пережил большую трагедию. По словам одного старшего компаньона, с ним случилось нечто и вправду неопишное, но мне так и не удалось разговорить кого-нибудь на этот счет. Даже известный своей болтливостью партнер Джулиана, старик Хардинг, проводивший больше времени в баре отеля Ритц-Карлтон, чем в своем пугающе огромном кабинете, сказал, что дал обет молчания. Я подозревал, что, какой бы ни была эта глубокая и темная тайна, именно она каким-то образом связана с его стремительным падением. Конечно, мне и просто было любопытно, но в первую очередь я хотел помочь ему. Он был не только моим наставником. Джулиан был моим лучшим другом.

Потом случилось это – тот обширный инфаркт, который низверг блестящего Джулиана Мэнтла на землю и напомнил ему о бренности его собственного существования. Это произошло в понедельник утром, в самой середине зала заседаний под номером 7, того самого, где мы выиграли «процесс процессов об убийстве».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Таинственный посетитель

Это было внеочередное собрание всех членов фирмы. Едва протиснувшись в зал заседаний, я уловил, что дела очень серьезны. Старик Хардинг обратился к собравшимся первым:

– Боюсь, у меня для вас скверные новости. Вчера у Джулиана Мэнтла случился тяжелый сердечный приступ в зале суда, когда он выступал по делу авиакомпании «Эйр Атлантик». Сейчас он в реанимации, но врачи заверили меня, что его состояние уже стабилизировалось и он поправится. Однако Джулиан принял решение, о котором, полагаю, вам всем следует знать. Он решил покинуть нашу семью и отказаться от юридической практики. Он не вернется на фирму.

Я был потрясен. Я знал, что у Джулиана хватает неприятностей, но никогда не думал, что он уйдет. К тому же после всего, что мы пережили вместе, я считал, что с его стороны было бы тактичнее сообщить мне о своем решении лично. Он даже не пожелал, чтобы я навестил его в больнице. Медсестрам было велено говорить мне, что он спит и его нельзя тревожить, в какое бы время я ни зашел. Он даже отказался отвечать на мои телефонные звонки. Может, я напоминал ему о той жизни, которую он хотел забыть. Кто знает? Скажу вам лишь одно. Мне было больно.

Все это случилось больше трех лет назад. Позднее Джулиан отправился в какую-то экспедицию в Индию – это было последнее, что я о нем слышал. Он сообщил одному из своих партнеров, что желает упростить свою жизнь и «отыскать ответы на некоторые вопросы» и надеется найти их в той загадочной земле. Он продал свой особняк, свой самолет и свой собственный остров. Он даже продал свой «феррари». «Подумать только, Джулиан Мэнтл – индийский йог, – размышлял я. – Порой Закон оборачивается крайне неожиданной стороной».

За эти три года из молодого, работающего сутками напролет юриста я превратился в матерого, немного циничного адвоката. У нас с Дженни уже была своя семья. Со временем я и сам занялся собственными поисками смысла. Думаю, причиной тому послужили мои дети. Они коренным образом изменили мой взгляд на мир и мое место в нем. Лучше всех это сформулировал мой отец: «Джон, на смертном одре ты не будешь себя корить за то, что мало пропадал на работе». Так я потихоньку начал проводить больше времени дома. Я стал вести довольно приятное, пусть и заурядное, существование. Я вступил в Ротари-клуб и по субботам играл в гольф, дабы осчастливить моих клиентов и партнеров. Но, вынужден признаться, в спокойные минуты я часто думал о Джулиане и задавался вопросом, что же стало с ним за годы, истекшие после нашей внезапной разлуки.

Возможно, он обосновался в Индии, стране столь разнообразной, что даже его неугомонная душа способна была найти себе там пристанище. Или, быть может, он путешествовал по Непалу? Или нырял с аквалангом на Каймановых островах? Одно было ясно – к своему ремеслу юриста он не вернулся. Никто даже открытки от него не получил после того, как он отправился в добровольную ссылку, подальше от Закона.

Приблизительно два месяца назад раздался стук в мою дверь, который принес мне первые ответы на некоторые из этих вопросов. То был конец изнурительного дня, я только что распрощался с последним клиентом, когда Женестьева, моя сообразительная помощница, просунула голову в мой кабинет. – К тебе посетитель, Джон. Говорит, что это срочно и что он ни за что не уйдет, не побеседовав с тобой. – Я уже ухожу, Женестьева, – нетерпеливо ответил я. – Надо еще успеть что-то перекусить и закончить с документами Гамильтона. Сейчас у меня ни для кого нет времени. Предложи ему записаться на прием в общем порядке и вызови

охранника, если он не уймется. – Но он говорит, ему действительно нужно тебя видеть. Отказ его не устраивает!

Какое-то мгновение мне хотелось-таки вызвать охранника, но, подумав, что кому-то действительно может быть нужна срочная помощь, я решил вооружиться терпением.

Я уступил: «Ладно, пусть войдет». Как знать, если человек действительно пришел по делу, я, возможно, смогу извлечь из этого какую-то пользу.

Дверь в кабинет отворялась медленно. Когда она распахнулась настежь, за ней предстал улыбающийся человек лет тридцати с лишним. Рослый, худощавый и мускулистый, он излучал жизненную силу и энергию. Он напомнил мне золотую молодежь, с которой я учился на юрфаке, – холеных ребят из благополучных семей, живущих в благоустроенных домах, разъезжающих в шикарных автомобилях. Но в моем посетителе было что-то большее, чем приятная моложавая внешность. Глубокое умиротворение придавало ему нечто почти божественное. И эти его глаза. Голубые глаза, пронизывающие меня насквозь, словно лезвие бритвы, которое касается нежной кожи взволнованного от первого бритья подростка.

«Еще один новоиспеченный талант, метящий на мое место, – сказал я себе. – Да что ж это он так меня рассматривает? Надеюсь, что это не его жену я защищал на крупном бракоразводном процессе, выигранном на прошлой неделе. Может, в конце концов, действительно стоило вызвать охранника».

Молодой человек продолжал созерцать меня, подобно Будде, одаряющему улыбкой своего любимого ученика. После затянувшейся неловкой паузы он вдруг заговорил неожиданно уверенным тоном.

– Так ты встречаешь всех своих гостей, Джон? Даже тех, кто научил тебя науке выигрывать процессы? Надо было мне все свои секреты оставить при себе, – при этих словах его полные губы расплылись в широкую, открытую улыбку.

Глубоко внутри у меня что-то странно шевельнулось. Я тут же узнал этот низкий, мягкий голос. Мое сердце сильно застучало.

– Джулиан? Ты? Не могу поверить! Это правда ты?

Громкий смех гостя подтвердил мою догадку. Молодой человек, стоящий передо мной, был не кто иной, как давно исчезнувший индийский йог Джулиан Мэнтл. Я был ошеломлен его невероятным преображением. Куда подевались мертвенный цвет лица, нездоровый кашель и безжизненные глаза моего бывшего коллеги? А вместе с ними старческий вид и циничный взгляд, ставшие в свое время его визитной карточкой? Вместо этого стоящий передо мной мужчина выглядел отменно здоровым, его гладкое лицо излучало живой свет. Его глаза светились внутренней жизненной силой. Но, наверное, еще более удивительным было внутреннее спокойствие, исходившее от Джулиана. Я чувствовал себя совершенно умиротворенным просто оттого, что сидел рядом и смотрел на него. Это не был больше беспокойный «доминантный» тип ведущего сотрудника преуспевающей юридической фирмы. Человек, стоящий передо мной, был молодым, полным сил – и улыбающимся – воплощением перемен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чудесное превращение Джулиана Мэнтла

Я был потрясен тем, как изменился и похорошел Джулиан.

«Как мог этот уставший от жизни старик всего за несколько лет обрести такую живость и энергию?» Я молчал, не в силах этому поверить. Неужели какое-то магическое снадобье открыло ему источник молодости? В чем причина невероятного возрождения?

Первым заговорил Джулиан. Он поведал мне, что мир юриспруденции измотал его не только физически и эмоционально, но и духовно. Бешеный ритм и бесконечные требования истрепали и истощили его. Он признал, что его тело буквально разваливалось, а ум утратил блеск. Сердечный приступ был всего лишь симптомом более глубокой проблемы. Постоянное давление и жесткий график работы юриста мирового уровня сломали в нем самое важное – и, возможно, самое человеческое – его дух. Врач поставил его перед выбором – либо юридическая практика, либо жизнь, и он увидел в этом прекрасную возможность вновь разжечь тот внутренний огонь, что был знаком ему в молодые годы, огонь, который угас, когда работа перестала приносить ему удовлетворение и превратилась в обыкновенный бизнес.

Джулиан заметно оживлялся, повествуя о том, как он продал все свое имущество и отправился в Индию, – страну, чья древняя культура и мистические традиции всегда очаровывали его. Он рассказывал, как путешествовал из одной крохотной деревушки в другую, иногда пешком, иногда на поезде. Он познавал новые для себя традиции, созерцал вечные, не подвластные воздействию времени пейзажи; постепенно к нему приходила любовь к индийцам, от которых исходили тепло, доброта и живительная вера в истинный смысл жизни. Даже бедняки распахивали свои дома – и свои сердца – ему, утомленному путнику, пришедшему из Западного мира. В этой чарующей обстановке дни сливались в недели, и Джулиан постепенно начинал снова чувствовать себя живым и цельным – может быть, впервые с детских лет. Его врожденное любопытство и творческая искра мало-помалу возвращались к нему вместе с воодушевлением и жизненной энергией. Он стал чувствовать себя более радостным и умиротворенным. Он снова начал улыбаться.

Джулиан рассказал, что, хотя он наслаждался каждым мгновением своего пребывания в этой экзотической стране, его путешествие в Индию было чем-то большим, нежели просто отпуск для разгрузки перенапряженного мозга. Он описывал время, проведенное им в этой далекой стране, как «личную одиссею собственного я». Он сообщил мне, что был полон решимости разобраться, пока еще не поздно, кто он на самом деле и что есть его жизнь. Для этого, в первую очередь, нужно было окунуться в море древней мудрости той культуры, которая могла научить, как прожить просветленную, полезную и осмысленную жизнь.

– Не хочу показаться эксцентричным, Джон, но это было что-то вроде указания изнутри, какой-то внутренний голос велел мне начать духовное паломничество и зажечь ту искру, которую я когда-то утратил, – сказал Джулиан. – Для меня это было время небывалого освобождения.

Чем больше он узнавал, тем чаще слышал об индийских монахах, живущих более ста лет и, несмотря на свой почтенный возраст, остающихся молодыми, энергичными, бодрыми. Чем больше он путешествовал, тем больше узнавал о йогах, над которыми не властен возраст, которые овладели искусством управления сознанием и духовного пробуждения. И чем больше он видел, тем больше стремился понять движущие силы, стоящие за тайнами человеческой природы, надеясь применить мудрость этих тайн к своей жизни.

На начальном этапе своего путешествия Джулиан повстречался со многими знаменитыми и почитаемыми мудрецами. Он рассказал, что все они принимали его с распростертыми объятиями и открытым сердцем, делясь каждой крупинкой знаний, накопленных в течение всей жизни, проведенной в спокойном созерцании окружающего величия. Джулиан также попытался описать красоту древних храмов, разбросанных по загадочной земле Индии, этих сооружений, высящихся как верные стражи вековой мудрости. Он говорил, что был глубоко затронут самой этой священной обстановкой.

– Это был какой-то волшебный период в моей жизни, Джон. Вот он я, старый усталый законник, который продал все, от своей беговой лошади до «Ролекса», и уместил оставшееся в большой рюкзак. С ним в своих поисках вечных традиций Востока я никогда не разлучался. – Тяжело было все оставить? – выпалил я, не в силах сдержать любопытство. – Знаешь, это было самое простое, что мне приходилось делать в жизни. Решение бросить практику и все нажитое пришло само собой. Альбер Камю однажды сказал, что «настоящая забота о будущем состоит в том, что бы отдать все настоящему». Именно так я и поступил. Я знал, что должен как-то измениться, – поэтому я прислушался к велению сердца и решил все сделать сразу. Моя жизнь стала намного проще и куда осмысленнее, после того как я избавился от багажа своего прошлого. Прекратив тратить уйму времени на погоню за все более изысканными удовольствиями жизни, я научился наслаждаться простыми вещами: созерцать, как звезды танцуют в свете луны, или нежиться в солнечных лучах чудесным летним утром. А Индия так стимулирует работу ума, что я редко вспоминал обо всем, что оставил дома.

Поначалу встречи с мудрецами и старцами этой неповторимой страны хотя увлекли Джулиана, все же не раскрыли ему того знания, к которому он стремился. В те ранние дни его одиссеи и вожденная мудрость, и практические навыки, которым предстояло изменить качество его жизни, ускользали от него. Первый настоящий прорыв произошел лишь через семь месяцев пребывания Джулиана в Индии.

В Кашмире, древнем таинственном крае, дремлющем у подножия Гималаев, Джулиану наконец повезло. Здесь он встретил человека, которого звали Йог Кришнан. Этот хрупкий человек с наголо обритой головой любил шутить, белозубо улыбаясь, что в «прежней инкарнации» он тоже был юристом. Пресытившийся лихорадочным ритмом современного Нью-Дели, он тоже в свое время оставил материальные блага и удалился в мир величественной простоты. Он стал смотрителем деревенского храма и, по его словам, пришел к самопознанию и постижению своего предназначения в более широко понимаемом мире.

«Я устал от существования, похожего на бесконечные учения по воздушной тревоге. Я осознал, что моя миссия – служить другим людям и хоть что-то сделать, чтобы улучшить мир, в котором мы живем. Теперь я живу для того, чтобы давать, – сказал Кришнан Джулиану. – Я провожу дни и ночи возле этого храма, жизнь моя скромна, но исполнена смысла. Я делюсь своим откровением с каждым, кто приходит сюда молиться. Я помогаю тем, кто в нужде. Я не священник. Я просто человек, обретший свою душу».

Джулиан поведал этому обратившемуся в йога юристу свою собственную историю. Он говорил о прежней жизни, о славе и достатке. Он рассказал Йогу Кришнану о своей жажде богатства и одержимости работой, о своих внутренних противоречиях и духовном кризисе, описал все то, что он пережил, когда его жизненное пламя начало мерцать и утративший гармонию образ жизни, подобно порывистому ветру, едва не задул этот огонек окончательно.

– Я тоже прошел этот путь, друг мой. Я тоже испытал боль, которую испытал ты. Однако я понял, что все имеет свою причину, – сочувственно отвечал Кришнан. – Все совершается с какой-то целью, и всякая неудача несет в себе урок. Я осознал, что потери – и личного, и профессионального, и даже духовного свойства – способны существенно раздвинуть горизонты

личности. Они ведут к внутреннему росту и дают целый ряд духовных приобретений. Никогда не сожалей о прошлом. Отнесись к нему лучше как к доброму учителю.

Джулиан рассказал, что при этих словах Кришнана он возликовал. Возможно, в Кришнанае он нашел именно того наставника, которого искал. Кто же мог лучше него, такого же в свое время преуспевавшего юриста, познавшего лучшую жизнь и прошедшего свою собственную душевную одиссею, передать ему тайны бытия – гармоничного, исполненного истинной красоты и наслаждения? – Мне нужна твоя помощь, Кришнан. Мне нужно узнать, как построить более богатую, более полноценную жизнь. – Для меня будет честью оказать тебе любую посильную помощь, – ответил на это Кришнан. – Однако позволишь дать тебе один совет? – Конечно. – Сколько я живу, присматривая за храмом в этой маленькой деревушке, столько до меня доходят слухи о таинственных мудрецах, обитающих высоко в Гималаях. Говорят, что они открыли какую-то систему, способную существенно преобразовать качество жизни любого человека, – я имею в виду не только физическое здоровье. Считается, что это целостный единый свод вечных принципов и приемов, способных полностью раскрыть возможности разума, души и тела.

Джулиан был в восторге. Ему казалось, это то, что нужно. – А где именно живут эти монахи?

Никто не знает, а я, к сожалению, слишком стар, чтобы пускаться на поиски. Одно лишь скажу тебе, мой друг, многие пытались их найти, но их поиски заканчивались трагически – ничто не сравнится в опасности с высокими скалами Гималаев. Против их лавин и обвалов бессилён даже самый искусный скалолаз. Но если ты хочешь найти золотой ключ к крепкому здоровью, непреходящему счастью и внутренней самореализации, то этого знания у меня нет, оно есть у них.

Джулиан, не привыкший легко сдаваться, продолжал расспрашивать Кришнана: «Ты точно не имеешь никакого представления, где они живут?»

– Могу сказать тебе только, что местные крестьяне называют их Великими Мудрецами Сиваны. По их верованиям, Сивана означает «оазис озарения». Эти мудрецы почитаемы и влиятельны настолько, насколько могут быть почитаемы и влиятельны лишь божественные создания. Если бы я знал, где их найти, я счел бы своим долгом сообщить тебе это. Но я и вправду не знаю, и никто не знает.

На следующее утро, едва первые лучи индийского солнца заиграли на красочном горизонте, Джулиан отправился в путь на поиски потерянной земли Сиваны. Сначала он подумывал о том, не нанять ли проводника-шерпа, который помог бы ему в восхождении по горам, но, по какой-то странной причине, инстинкт подсказал ему, что он должен проделать этот путь в одиночку. Итак, пожалуй впервые в жизни, он сбросил кандалы разума и вместо этого доверился своей интуиции. Он чувствовал, что с ним все будет в порядке. Он почему-то не сомневался, что найдет то, что искал. Так, с миссионерской страстью в душе, он начал восхождение.

Первые несколько дней прошли легко. Иногда он догонял какого-нибудь приветливого крестьянина из оставшейся внизу деревни, взбиравшегося по горной тропке в поисках либо подходящей коряги для резьбы по дереву, либо какого-нибудь заповедного местечка, которое в этом неземном краю мог найти всякий, кто осмеливался взобраться так высоко к Небесам. Временами он шел один, молча размышляя над тем, что ему довелось пережить и что ждет его впереди.

Вскоре деревушка внизу стала казаться лишь крошечным пятном на великолепном холсте, созданном кистью природы. Величие покрытых снегом пиков Гималаев заставило его сердце биться чаще, а один раз у него даже на некоторое время перехватило дыхание. Он почувствовал, что стал единым целым с окружающей природой, испытал некое с ней родство, свойственное старинным друзьям, годами с полным пониманием выслушивающим сокровенные мысли и

шутки друг друга. Свежий горный воздух прояснил его ум и взбодрил дух. Неоднократно объехав вокруг света, Джулиан полагал, что видел весь мир. Но никогда прежде он не видел подобной красоты. Великолепие, к которому ему довелось приобщиться в это удивительное время, было изысканной данью симфонии природы. Он вдруг почувствовал радость, оживление и освобождение от всех забот. Именно здесь, поднявшись над всем человечеством, Джулиан стал медленно выбираться из кокона обыденности и приобщаться к царству, лежащему за пределами обычного.

– Я до сих пор помню слова, зазвучавшие в моей голове там, высоко в горах, – сказал Джулиан. – Я подумал, что жизнь в конечном итоге сводится к выбору. Судьба человека складывается в соответствии с выбором, который он делает, и мой выбор – я чувствовал это – был правильным. Я знал, что моя жизнь никогда уже не будет прежней и что-то чудесное и даже волшебное скоро со мной произойдет. Это было изумительное пробуждение. Чем дальше забирался Джулиан в безлюдные районы Гималаев, тем сильнее, как он говорил, охватывало его волнение.

– Но это, – сказал он, – было то чувство приятного беспокойства, которое переживаешь на выпускном школьном балу или перед началом первого громкого процесса, когда журналисты караулят тебя на ступеньках у входа в зал суда. И хотя к моим услугам не было ни проводника, ни карты, путь мой был прям и ясен, и мне легко шагалось по едва заметной тропинке, уводящей меня все выше, в самые заповедные уголки гор. Словно какой-то внутренний компас осторожно подталкивал меня к моей цели. Не думаю, что я смог бы прекратить свое восхождение, даже если бы пожелал. – Джулиан был взволнован, его речь текла бурно, подобно полноводному горному ручью после дождя.

В течение последующих двух дней путешествия по маршруту, который, как он надеялся, приведет его к Сиване, Джулиан мысленно обращался к своей прежней жизни. Хотя теперь он чувствовал себя полностью свободным от напряжения и перегрузок, свойственных миру, в котором он ранее обитал, он не был уверен, сможет ли провести остаток своих дней, лишенный тех творческих задач, которые со дня окончания Гарварда были непременным атрибутом его жизни. Затем он переносился мыслями в обшитый дубом офис сверкающего небоскреба в фешенебельном районе города, далее – в уютный загородный дом, проданный им за бесценок. Он думал о своих старых друзьях, с которыми частенько заходил в самые дорогие рестораны. Он вспоминал и свой любимый «феррари»: как взлетало его сердце, когда он запускал мотор и свирепая машина оживала под его руками.

По мере того как он углублялся в таинственные горные уголки, предстающие перед ним чарующие красоты затмевали его размышления о прошлом. В тот момент, когда он впитывал дары мудрости природы, с ним произошло нечто поразительное.

Впереди, немного повыше он заметил краем глаза какую-то фигуру, облаченную в причудливую длинную красную накидку, с темно-синим капюшоном на голове.

Джулиан был поражен, увидев человека в этом безлюдном месте, куда ему пришлось добираться семь исполненных опасности дней. Находясь на расстоянии многих миль от какой бы то ни было цивилизации и все еще не зная, где искать конечную цель своего путешествия – Сивану, – он решил окликнуть своего товарища по путешествию.

Человек ничего не ответил, а лишь быстрее зашагал вверх по тропе, по которой они оба взбирались, не оглянувшись, не показав, хотя бы из вежливости, что он услышал оклик. Вскоре таинственный путник уже бежал, его алая накидка развеивалась у него за спиной, словно накрахмаленная простыня на бельевой веревке в ветреный осенний день.

– Друг, пожалуйста, помоги мне найти Сивану. Я прошагал семь дней почти без воды и

пищи, – воскликнул Джулиан. – Кажется, я заблудился.

Человек резко остановился. Пока Джулиан осторожно приближался, путник оставался совершенно неподвижен и хранил молчание. Его голова не шелохнулась, руки не дрогнули, ноги, казалось, приросли к земле. Джулиан не мог разглядеть скрытого капюшоном лица, но был поражен содержимым корзинки, которую человек держал в руке. В корзинке были цветы, изящнее и прекраснее которых Джулиану не доводилось видеть. Когда Джулиан приблизился, человек крепче сжал корзинку в руке, словно демонстрируя одновременно и ценность, которую для него представляло ее содержимое, и недоверие к этому высокому белому человеку: появление ему подобных в этих краях случалось не чаще, чем выпадает роса в пустыне.

Джулиан разглядывал путника с крайним любопытством. Скользящий луч солнца озарил скрываемое под просторным капюшоном лицо мужчины. Но Джулиану раньше не доводилось видеть человека, подобного этому. Хотя они, на вид, были почти ровесники, в чертах лица этого человека было что-то настолько поразительное, что Джулиан, казалось, на целую вечность застыл, замороженно уставившись на путника. Взгляд незнакомца был настолько пристальным, что Джулиан невольно отвел глаза. Оливкового цвета кожа путника была гладкой и упругой. И хотя руки выдавали, что он уже не молод, от него исходило столько свежести и жизненной силы! Джулиан был очарован, словно ребенок, впервые увидевший мага-волшебника на цирковом шоу.

«Должно быть, это один из Великих Мудрецов Сиваны», – подумал Джулиан, не в силах сдержать восторг от своего открытия.

– Я Джулиан Мэнтл. Я пришел учиться у Мудрецов Сиваны. Вы не знаете, где я могу их найти? – спросил он.

Человек пристально разглядывал усталого западного гостя. Его спокойствие и умиротворенность делали его похожим на ангела, которому ведомо абсолютно все.

Он заговорил тихо, почти шепотом: «А для чего ты ищешь этих мудрецов, друг мой?» Джулиан почувствовал, что это и есть один из тех монахов, которых мало кому удавалось увидеть. Он открыл свое сердце и поведал путнику свою одиссею: рассказал о своей прежней жизни, о духовном кризисе, с которым боролся, о том, как променял когда-то здоровье и силу на призрачные блага, доставляемые профессией адвоката. Он говорил о том, как променял свое душевное богатство на солидный банковский счет, иллюзорное удовлетворение от жизни по принципу «торопись жить, умри молодым». Он рассказал о своем приезде в Индию и о встрече с Йогом Кришнаном, в прежней жизни – юристом из Нью-Дели, который тоже порвал с прошлым в надежде обрести внутреннюю гармонию и непреходящее умиротворение.

Путешественник хранил молчание. Он не шелохнулся. Он заговорил снова только после того, как Джулиан поведал ему о своем жгучем желании, почти одержимости познать древние принципы прозрения. Положив руку на плечо Джулиана, человек ласково вымолвил: «Если ты и вправду всем сердцем желаешь постичь мудрость более совершенной жизни, тогда мой долг помочь тебе. Я действительно один из тех мудрецов, в поисках которых ты так далеко забрался. Ты первый человек, нашедший нас за долгие годы. Поздравляю тебя. Я восхищаюсь твоим упорством. Должно быть, ты был стоящим адвокатом», – добавил он.

Он на мгновение умолк, словно раздумывая, что делать дальше, а затем продолжил: «Если хочешь, пойдем со мной в наш храм, будешь моим гостем. Он находится в скрытом от глаз месте этих гор, до него отсюда еще много часов ходьбы. Мои братья и сестры раскроют тебе свои объятия. Мы вместе научим тебя древним принципам и традициям, которые наши предки передали нам через века». – Прежде чем я введу тебя в наш уединенный мир и поделюсь собранными нами знаниями, которые наполнят твою жизнь радостью, придадут тебе силы и укажут цель, я должен взять с тебя одно обещание, – попросил мудрец. – Познав все эти вечные истины, ты должен будешь вернуться на Запад, в свою родную страну, и поделиться обретенной

мудростью со всеми, кто пожелает тебя слушать. Хотя мы и оторваны от всех в этих волшебных горах, мы знаем, каким хаосом охвачен ваш мир. Добрые люди перестают видеть свой путь. Они имеют право на надежду, и ты должен дать им ее. И что самое важное – научить их добиваться своей мечты. Вот все, о чем я прошу.

Джулиан тут же принял условия мудреца и пообещал донести его послание до Запада. Когда они вместе двинулись вверх по горной тропке к затерянной деревушке Сивана, индийское солнце уже клонилось к закату, огненный багровый шар плавно скользил, впадая в дремоту после долгого утомительного дня. Джулиан признался, что никогда не сможет забыть величие того момента: он шагал рядом с индийским монахом, над которым не властен возраст, испытывая к нему чувство братской любви. Они направлялись к месту, куда он так стремился, полному чудес и тайн.

«Это был, несомненно, незабываемый момент в моей жизни», – сообщил мне Джулиан. Он и раньше считал, что жизнь сводится к нескольким ключевым моментам. Сейчас это был один из них. Глубиной своей души он чувствовал, что тут было начало его новой, следующей жизни, которая будет куда более значительной, чем прежняя.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Чудесное знакомство с мудрецами Сиваны

Прошагав много часов по запутанным, заросшим травой тропинкам, два путника достигли долины с пышной зеленой растительностью. С одной стороны ее надежно защищали укрытые снегом вершины Гималаев, словно бывалые воины, стерегущие покой своих военачальников. С другой – высился густой хвойный лес, придающий еще больше очарования этому сказочному краю.

Мудрец взглянул на Джулиана и ласково улыбнулся: «Добро пожаловать в Нирвану Сиваны».

Затем они спустились по другой, почти неразличимой в траве тропке в долину, поросшую густым лесом. Прохладный, хрустящий горный воздух был наполнен запахом сосны и сандалового дерева. Джулиан разулся, чтобы меньше ныли усталые ноги, и шагал босиком по влажному мху. Он любовался пышными яркими орхидеями и россыпью других диковинных цветов, пестреющих среди деревьев и радующихся красоте и великолепию этого небесного уголка.

Издали до Джулиана доносились негромкие голоса, успокаивающие, приятные для слуха. Джулиан беззвучно следовал за мудрецом. Минут через пятнадцать они вышли на открытое место. Джулиану предстало зрелище, которое даже он, умудренный жизнью и давно ничему не удивлявшийся, едва ли мог вообразить. Перед ним была крошечная деревушка, которая, казалось, вся была сделана из роз. В центре деревушки стоял крохотный храм, вроде тех, что Джулиану доводилось видеть в Таиланде и Непале, но сооруженный из алых, белых и розовых цветов, сплетенных вместе длинными прядями разноцветных прутьев и стеблей. Вокруг храма были рассыпаны крошечные хижинки – скромные жилища мудрецов. Они тоже были из роз. Джулиан не мог вымолвить ни слова. Что же касается монахов, населявших деревушку, те из них, кого он мог увидеть, были похожи на его спутника, признавшегося наконец, что зовут его Йог Раман. По его словам, он и был старейшим мудрецом Сиваны и главой общины. Обитатели этого сказочного места выглядели поразительно молодо, и движения их были уверенными и грациозными. Разговоров не было слышно: не желая нарушать безмятежное спокойствие этого места, каждый выполнял свою работу молча.

Мужчины, которых Джулиан насчитал всего человек десять, были, как и Раман, облачены в алые накидки. Они встретили входящего в их владения Джулиана безмятежными улыбками. У каждого из них был спокойный, здоровый и умиротворенный вид. Казалось, суэта, этот бич современного мира, почувствовала, что ей нет места на этой вершине безмятежности, и убралась восвояси. Монахи, уже много лет не видевшие посторонних, тем не менее оказали Джулиану сдержанный прием, простым поклоном приветствуя пришельца, проделавшего столь дальний путь, чтобы их отыскать.

Впечатляли также и женщины. Облаченные в розовые шелковые сари, с иссиня-черными волосами, украшенными белыми лотосами, они с исключительным проворством деловито сновали по деревне.

Однако это была не та лихорадочная суэта, которая заполняет жизнь людей в нашем обществе. Напротив, их ловкие движения были легки и грациозны. Одни женщины сосредоточенно трудились внутри храма, очевидно, готовя его к какому-то празднеству. Другие подносили хворост и украшенные вышивкой тканые коврики. Все были заняты делом. Все выглядели счастливыми.

В конце концов, сами лица мудрецов Сиваны демонстрировали чудесные возможности их образа жизни. Хотя все они были вполне зрелыми людьми, от каждого исходило что-то детское, а глаза сияли юношеским задором. Ни у кого не было морщин. Ни у кого не было седины. Ни в ком не было видно признаков старения.

Джулиана, едва верившего во все происходящее, угостили свежими фруктами и экзотическими овощами. Эта диета, как узнал он позже, была одним из ключей к сокровищнице совершенного здоровья, которым обладали мудрецы. После трапезы Раман проводил Джулиана в его жилье – наполненную цветами хижину, в которой стояла маленькая кровать, а на ней лежал чистый блокнот. В обозримом будущем этой хижине предстояло служить ему домом.

Хотя Джулиану никогда прежде не доводилось видеть ничего похожего на этот волшебный мир Сиваны, у него почему-то возникло такое ощущение, будто он вернулся домой, в рай, который казался ему давным-давно знакомым. Станным образом, эта деревня из роз казалась ему не такой уж чужой. Интуиция подсказывала ему, что он принадлежит этому месту, пусть и ненадолго. Здесь он вновь обретет жизненный огонь, который пылал в нем, пока ремесло адвоката не погасило его. В этом уединенном приюте медленно начнет восстанавливаться его израненный дух. Так началась жизнь Джулиана среди мудрецов Сиваны, жизнь простая, безмятежная и гармоничная. Лучшее было впереди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Духовный воспитанник мудрецов

Мечты великих мечтателей никогда не исполняются, они передаются другим.

Альфред Л. Уайтхед

Было уже восемь вечера, мне еще надо было подготовиться к завтрашнему выступлению в суде. А я все еще был под впечатлением от приключений этого бывшего судебного воителя, столь драматично изменившего свою жизнь после встречи с удивительными индийскими мудрецами. Как поразительно, думал я, насколько невероятное превращение! Во мне зародился тайный интерес: могут ли секреты, познанные Джулианом в том далеком горном убежище, улучшить качество и моей жизни, вернуть мне способность удивляться миру, в котором я живу? Чем дольше я слушал Джулиана, тем больше начинал понимать, что мой собственный дух требует обновления. Куда подевалась та необычайная страсть, с которой я брался за любое дело, когда был помоложе? В те времена даже простейшие вещи приносили мне радость. Может, настало время и мне переосмыслить свою судьбу.

Чувствуя мой интерес к его одиссее и мое страстное нетерпение постичь систему просветленной жизни, открытую мудрецами, Джулиан стал рассказывать свою историю быстрее. Он поведал мне, как его жажда знаний, помноженная на острый ум, отточенный многолетними битвами в зале заседаний, помогла ему завоевать любовь членов общины Сиваны. В знак своей благосклонности к Джулиану монахи в конце концов сделали его почетным членом своей группы и стали обращаться с ним как с полноправным членом их увеличившейся семьи.

Сгорая от нетерпения расширить свои знания о возможностях сознания, тела и души, а также научиться владеть собой, Джулиан проводил в занятиях с Раманом практически все время, за исключением часов сна. Этот мудрец стал для Джулиана скорее отцом, чем учителем, хотя разница в возрасте между ними составляла лишь несколько лет. Было очевидно, что этот человек накопил в себе мудрость многих поколений, но прекраснее всего была его готовность поделиться этой мудростью с Джулианом.

Занятия начинались до восхода солнца. Раман сидел со своим прилежным учеником и наполнял его сознание откровениями о смысле жизни и малоизвестными приемами, которыми он сам в свое время овладел, чтобы жить полноценно, творчески, с большей отдачей. Он научил Джулиана древним принципам, которые, как он говорил, может применять каждый, чтобы жить дольше, оставаться моложе и быть куда более счастливым. Джулиан также узнал, что два неразрывно связанных качества – власть над собой и ответственность за свои поступки – уберегут его от возврата к хаосу, свойственному его жизни на Западе. Недели слагались в месяцы, и Джулиан постепенно начинал осознавать, какой огромный потенциал дремлет в его собственном сознании, ожидая пробуждения и востребования во имя высших целей. Порою учитель и ученик просто сидели и любовались сияющим индийским солнцем, поднимающимся вдали из глубины зеленых лугов. Иногда они отдыхали в спокойной медитации, зачарованные тишиной. Порой они просто гуляли в сосновом лесу, философствуя и наслаждаясь общением друг с другом.

Джулиан сказал, что первые признаки его личностного роста появились только лишь после трех недель пребывания в Сиване. Он начал замечать красоту самых заурядных вещей. Будь то чудо звездной ночи или узоры паутины, усыпанной дождевыми каплями, Джулиан впитывал в

себя все. Он также сказал, что его новый стиль жизни и порожденные им новые привычки стали оказывать глубокое влияние на его внутренний мир. После применения в течение месяца принципов и приемов мудрецов у Джулиана, по его словам, начало вырабатываться чувство глубокого покоя и внутренней безмятежности, которое ускользало от него все годы жизни на Западе. Он становился веселее и непосредственнее, энергичнее и изобретательнее с каждым прошедшим днем.

Обретение физической энергии и духовной силы стали следующими изменениями личности Джулиана. Его тело, когда-то набравшее лишний вес, стало сильным и худощавым, а лицо, отличавшееся прежде болезненной бледностью, засветилось здоровьем. Он действительно чувствовал, что мог сделать все что угодно, быть кем угодно, выпустить на волю безграничные возможности, которые, как он выяснил, таятся в каждом из нас. Он начал дорожить жизнью и видеть божественность каждого ее проявления. Древняя система этой таинственной общины монахов начала творить свои чудеса.

Сделав паузу, словно дивясь своему собственному рассказу, Джулиан продолжил философствовать.

Я осознал нечто очень важное, Джон. Мир, в том числе и мой внутренний мир, – это крайне необыкновенное место. Я также понял, что внешний успех ничего не значит, если он не сопровождается внутренним успехом. Существует огромная разница между благосостоянием и состоянием блага. Когда я был преуспевающим адвокатом, я имел привычку насмехаться над людьми, которые работали над улучшением своей внутренней и внешней жизни. «Живите как живется!» – считал я. Но я узнал, что самосовершенствование и постоянная забота о сознании, теле и душе крайне существенны для максимальной реализации возможностей личности и способности достигать своей мечты. Как можно заботиться о других, если ты не заботаешься даже о самом себе? Как можно делать добро, если ты просто плохо себя чувствуешь? Я не могу любить тебя, не любя себя самого.

Внезапно Джулиан как-то забеспокоился и слегка смутился. «До тебя я никогда никому так не открывал свою душу. Извини, Джон. Дело в том, что я просто пережил такое потрясение в этих горах, моей душе открылись такие силы мироздания, что я чувствую: другим тоже надо знать то, что знаю теперь я».

Заметив, что уже становится поздно, Джулиан стал поспешно прощаться со мной.

– Ты не можешь уйти сейчас, Джулиан. Я и вправду желаю познать всю ту мудрость, которой ты научился в Гималаях и которую ты пообещал своим учителям принести на Запад. Ты не можешь оставить меня в неизвестности – ты знаешь, я этого не выдержу.

– Будь уверен, мой друг, я вернусь. Ты же меня знаешь – уж если я начал рассказывать интересную историю, то просто не могу остановиться. Но ты должен закончить свою работу, а мне надо заняться кое-какими личными делами. – Тогда скажи мне лишь одно. Все, чему ты научился в Сиване, подойдет для меня? – Был бы готов ученик, а учитель найдется, – Джулиан ответил не задумываясь. – Ты, как и многие другие в нашем обществе, готов узнать мудрость, которую я ношу в себе. Каждый из нас должен знать философию мудрецов. Каждый из нас может извлечь из нее пользу. Каждый из нас должен знать о совершенстве, оно является нашим естественным состоянием. Обещаю, что поделюсь с тобой древними знаниями. Успокойся. Я встречу с тобой снова завтра вечером, в это же время, в твоём доме. Тогда я скажу тебе все, что тебе нужно знать, чтобы добавить намного больше жизни в твою жизнь. Согласен?

– Ну, если я обходился без этого столько лет, еще каких-то 24 часа не станут для меня смертельными, – ответил я, не скрывая разочарования.

С тем мастер правозащиты, превратившийся в просвещенного йога Востока, и ушел, оставив меня с массой незавершенных мыслей и вопросов без ответов.

Спокойно сидя в своем офисе, я размышлял над тем, до чего же все-таки тесен наш мир. Я думал о целом море знаний, в которое я еще даже не начал погружать кончики пальцев. Интересно, каково это будет – вновь обрести вкус к жизни. Я вспоминал, каким я был любознательным в молодости. Мне так хотелось почувствовать себя более живым и привнести в свои будни необузданную энергию. Может, я тоже бросил бы профессию юриста. Может, у меня тоже есть более высокое призвание? Погруженный в такие непростые размышления, я погасил свет, запер дверь офиса и шагнул в духоту еще одной летней ночи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Искусство преобразования себя

Я рисую красками жизни: моё творение – моя жизнь.

Сузуки

Сдержав слово, Джулиан появился в моем доме на следующий вечер. Внешне мое жилище смахивало на те дачные домики, что украшают собой мыс Кейп-Код. Ужасные розовые ставни должны были сделать его, по мнению моей супруги, похожим на фотографии из журнала «Выбираем дом». Около четверти восьмого я услышал четыре быстрых стука в дверь. Это был Джулиан, но выглядел он совсем не так, как накануне, что меня немало удивило. От него исходило такое же здоровье и ощущение покоя. Но его наряд заставил меня испытать некоторую неловкость. Его подтянутая фигура была облачена в алую накидку, увенчанную синим капюшоном, украшенным вышивкой. И хотя стоял душный июльский вечер, он не сбросил капюшон с головы. – Привет тебе, друг мой, – с чувством произнес Джулиан. – Привет.

– Не надо так волноваться, в чем ты хотел меня увидеть – в костюме от Армани?

Мы оба стали смеяться, сначала негромко, скоро смех перерос в хохот. Несомненно, Джулиан не утратил того особого юмора, который так меня забавлял много лет назад.

Когда мы уселись в моей уютной гостиной, заставленной вещами и безделушками, я не мог не заметить у Джулиана деревянных четок в форме ожерелья. – Что это? Такие красивые! – О них немного погода, – сказал он, потирая бусинки большим и указательным пальцами. – Сегодня нам о многом нужно поговорить. – Тогда давай начнем. Я так волновался перед нашей встречей, что почти ничего сегодня не смог сделать.

Следуя намерению, Джулиан тут же продолжил рассказ о своем преобразении и о том, с какой легкостью оно наступило. Он поведал об изученных им древних способах управлять своим сознанием и избавляться от беспрестанных тревог, что поглощают столь многих в нашем сложном обществе. Он говорил об умении жить более осмысленно и продуктивно, которым владели Раман и другие монахи. Он также рассказал о ряде методов освобождения источников молодости и энергии, которые, по его словам, дремлют глубоко в каждом из нас.

Хотя он говорил с большой убежденностью, во мне стало расти недоверие. А что, если я жертва какой-то проделки? В конце концов, этот гарвардской выучки адвокат когда-то славился среди коллег своим искусством устраивать розыгрыши. К тому же его история выглядела по меньшей мере фантастично. Подумать только: один из известнейших юристов страны обертывается полотенцем, продает все свое имущество и отправляется в духовное путешествие по Индии с тем только, чтобы вернуться эдаким всезнающим пророком с Гималаев. Такого не бывает.

– Ну ладно, Джулиан. Хватит меня дурачить. Вся эта история начинает смахивать на один из твоих номеров. Держу пари, ты взял эту мантию напрокат в магазине одежды, что напротив, – ответил я, состроив на лице улыбку слабой надежды.

Джулиан отвечал немедля, словно заранее предвидел мое недоверие: – В суде – чем бы ты обосновывал свою правоту? – Вещественными доказательствами. – Верно. Так взгляни же на мои доказательства. На мое гладкое лицо без единой морщины. На мое физическое состояние. Разве не видно, сколько во мне энергии? Посмотри, насколько я спокоен. Ведь ты же видишь, что я изменился!

В словах его была правда. Передо мной был человек, всего несколько лет назад

выглядевший на десятки лет старше.

– А ты не делал пластическую операцию? – Нет, – улыбнулся он. – Так изменяют только внешность. А мне нужно было излечиться изнутри. Дисгармоничное, хаотичное существование привело меня к полному упадку. И это было куда серьезнее, чем перенесенный мною сердечный приступ. Была подорвана моя внутренняя сущность. – Но твой рассказ. Это настолько... загадочно и не обычно.

Видя мое недоверие, Джулиан сохранял спокойствие и выдержку. Взяв заварочный чайник, который я поставил возле него на столе, он принялся наливать чай в мою пустую чашку. Он наполнил ее до краев и все продолжал лить! Сначала чай перелился на блюдечко, потом стал течь на любимый персидский ковер моей жены. Сперва я наблюдал за этим молча. Потом не выдержал:

– Джулиан, что ты делаешь? Моя чашка переполнена. Сколько бы ты ни лил, больше в нее не войдет! – воскликнул я.

Он устремил на меня долгий взгляд.

– Пожалуйста, постарайся понять меня правильно. Я, честное слово, уважаю тебя, Джон. И всегда уважал. Однако, подобно этой чашке, ты, кажется, до краев переполнен своими собственными представлениями. Так как же туда может войти еще что-то... покуда ты сперва не освободишь свою чашу?

Я был поражен правотой его слов. Долгие годы, проведенные в консервативном мире правоведения, одни и те же ежедневные занятия вместе с одними и теми же людьми, в чьих головах роятся одни и те же мысли, до краев наполнили мою чашу. Моя жена Дженни постоянно твердила мне, что нам недостает новых знакомств и новых впечатлений. «О, Джон, вот если бы тебе чуточку больше безрассудства», – говаривала она.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз читал что-нибудь, не относящееся к праву. Профессия стала моей жизнью. Я вдруг начал понимать, что привычный для меня стерильный мир отупляет, ограничивает творческие способности и сужает умственные горизонты.

– Хорошо. Я понимаю, о чем ты, – признал я. – Возможно, эти годы адвокатской работы превратили меня в закостенелого скептика. С той минуты, когда я увидел тебя вчера в своем кабинете, что-то мне подсказывало, что твое преобразование подлинно и несет какой-то урок для меня. Может быть, я просто не хотел в это поверить.

– Джон, сегодняшний вечер – это первый вечер твоей новой жизни. Я попрошу тебя очень вдумчиво относиться к знаниям и приемам, которыми я стану с тобой делиться, и последовательно применять их в течение одного месяца. Восприми эти методы всей душой. Они не случайно просуществовали тысячи лет: причина этого в том, что они действительно работают. – Один месяц – немалый срок. – Шестьсот семьдесят два часа внутренней работы в обмен на коренное улучшение каждого мгновения всей твоей оставшейся жизни – неплохая сделка, как полагаешь? Инвестиции в самого себя – лучше вклада не бывает. Это улучшит не только твою жизнь, но и жизни тех, кто тебя окружает. – Каким образом? – Только освоив науку любви к самому себе, ты сможешь по-настоящему полюбить других. Только открыв свое собственное сердце, ты сможешь затронуть сердца других. У того, кто найдет свой внутренний стержень, больше возможностей стать лучше. – А что со мной может случиться за эти шестьсот семьдесят два часа, из которых состоит месяц? – последовал мой настойчивый вопрос.

Ты ощутишь такие изменения в работе сознания, тела и даже души, которые покажутся тебе невероятными. У тебя будет больше энергии, воодушевления и внутренней гармонии, чем, возможно, было за всю твою прежнюю жизнь. Люди прямо станут говорить тебе, что ты выглядишь моложе и счастливее. К тебе очень скоро вернется ощущение благодати и равновесия

– вернется навсегда. И это только некоторые из чудодейственных эффектов Сиваны.

– Ну и ну!

– Все, что тебе сегодня предстоит услышать, призвано улучшить твою жизнь не только в личном и профессиональном отношении, но и в духовном. Уроки мудрецов столь же действенны сегодня, сколь и пять тысяч лет назад. Они не только обогатят твой внутренний мир, они усовершенствуют мир вокруг тебя, и все твои дела и поступки отныне станут куда более плодотворными. Эта мудрость – действительно самая могучая из известных мне сил. Она последовательна, практична и выдержала многовековую проверку в лаборатории жизни. И что самое важное, она подходит для любого человека. Но, прежде чем поделиться с тобой этим знанием, я обязан взять с тебя одно обещание.

Я знал, что будут выдвинуты какие-то условия. «Бесплатных завтраков не бывает», – говаривала моя любящая мать.

– Познав силу приемов и навыков, которым обучи ли меня мудрецы Сиваны, увидев радикальные изменения, привнесенные ими в твою жизнь, ты обязан принять на себя миссию передачи этой мудрости другим, тем, кому она может быть полезна. Это все, о чем я тебя прошу. Согласившись на это, ты сможешь мне выполнить мои обязательства перед Йогом Раманом.

Я безоговорочно согласился, и Джулиан начал обучать меня системе, которую в свое время признал священной. Хотя приемы, которыми Джулиан овладел за время своей экспедиции, были различны, в основе всей системы Сиваны лежали семь фундаментальных добродетелей, семь основополагающих принципов, которые заключали в себе тайны владения собой и духовного озарения.

Джулиан рассказал, что первым, кто поведал ему об этих семи добродетелях через два месяца пребывания в Сиване, был Йог Раман. Одной ясной звездной ночью, когда все крепко уснули, Раман осторожно постучался в дверь хижины Джулиана. Тонем любящего наставника он заговорил о своем решении: «Уже много дней я пристально наблюдаю за тобой, Джулиан. Ты представляешь мне достойным человеком, страстно жаждущим наполнить свою жизнь добродетелью. Прибыв сюда, ты не пренебрег нашими традициями и искренне принял их как свои. Ты усвоил целый ряд наших повседневных обычаев и наблюдал их очевидное воздействие. Ты уважительно отнесся к нашему укладу жизни. Так же просто и мирно мы прожили уже много веков, и наши приемы известны лишь немногим. Мир нуждается в том, чтобы узнать о нашей философии просветленной жизни. Сегодня, накануне третьего месяца твоей жизни в Сиване, я начну раскрывать тебе сокровенные тайны нашей системы, но не для твоего лишь блага, а для блага всех, кто обитает в твоём мире. Я буду заниматься с тобой изо дня в день, как занимался со своим маленьким сыном. К сожалению, он отошел в мир иной несколько лет назад. Его время пришло, и я не задаюсь вопросом о причине его ухода. Я наслаждался общением с ним и дорожу памятью о том времени. Сейчас я принимаю тебя как своего сына и благодарю судьбу за то, что все, познанное мною за многие годы молчаливого созерцания, продолжит жить в тебе».

Я взглянул на Джулиана. Он закрыл глаза, словно мысленно переносясь в ту сказочную страну, которая так щедро одарила его благословенным знанием.

– Йог Раман поведал мне, что семь добродетелей, ведущих к жизни внутренне умиротворенной, радостной и духовно богатой, изложены в одной волшебной притче. Именно в этой притче – суть всего. Он велел мне закрыть глаза, вот как я закрыл их сейчас, сидя на полу твоей гостиной. Затем он велел мне мысленно представить такую картину:

– Ты сидишь посреди величественного пышного зеленого сада. Сад полон удивительных цветов – таких ты прежде никогда не видел. Вокруг царят возвышенная безмятежность и тишина. Ты наслаждаешься чувственной прелестью этого сада, словно в твоём распоряжении для этого – целая вечность. Осматриваясь вокруг, ты замечаешь возвышающийся в центре сада

красный маяк высотой в шесть ярусов. Внезапно тишина сада нарушается скрипом отворяющейся в основании маяка двери. Из нее выходит, раскачиваясь, трехметрового роста и весом в пол тонны японец – борец сумо – и непринужденной походкой направляется к центру сада.

– Дальше – больше, – улыбнулся Джулиан. – Этот японский борец – обнажен! Ну, на самом деле не совсем. Его интимные места прикрыты витым розовым проводом.

И вот, передвигаясь по саду, этот борец сумо находит блестящий золотой секундомер, который кто-то оставил там много лет назад. Он поднимает его – и с оглушительным шумом падает наземь. Борец сумо теряет сознание и лежит – молча и неподвижно. Ты подумал уже было, что он испустил дух, но тут борец приходит в себя, возможно, разбуженный ароматом только что распустившихся желтых роз, растущих рядом. С новыми силами борец стремительно вскакивает на ноги и невольно смотрит влево. Он поражен увиденным. Сквозь заросли кустарника, обрамляющие сад, просматривается длинная извилистая тропа, сплошь усыпанная сверкающими алмазами. Что-то невидимое словно подталкивает борца на эту тропу, и, к его чести, он ступает на нее. Тропа ведет его к дороге непреходящей радости и вечного блаженства.

Джулиан сказал, что, выслушав эту странную притчу от сидевшего рядом с ним на вершине Гималаев монаха, который видел свет факела озарения собственными глазами, был обескуражен. Это и понятно, он ожидал услышать нечто потрясающее, указание, которое подвигнет его к действию, возможно даже растрогает до слез. Вместо этого прозвучала какая-то нелепая история о борце сумо и маяке.

Йог Раман заметил его разочарование. «Остерегайся недооценивать силу простоты», – сказал он Джулиану.

– Это, возможно, не то изощренное умопостроение, которое ты ожидал услышать, – молвил мудрец, – но в идее этой притчи – много здравого рассуждения, а заложенный в ней смысл абсолютно прозрачен. Со дня твоего прихода к нам я не переставал размышлять о том, как бы лучше передать тебе наши знания. Сначала я подумывал было о преподавании тебе в течение нескольких месяцев курса лекций, но потом решил, что традиционный подход едва ли годится, учитывая магическую природу той мудрости, которую тебе предстоит воспринять. Затем мне пришла в голову мысль попросить всех моих братьев и сестер ежедневно проводить понемногу времени с тобой, раскрывая тебе нашу философию. Однако для тебя это тоже был бы не самый эффективный способ познать то, что нам нужно поведать. После долгих размышлений я наконец пришел к тому, что, на мой взгляд, является творческим подходом и в то же время очень эффективным способом передать тебе весь свод философии Сиваны с ее семью добродетелями... – то была эта волшебная притча.

Мудрец добавил: «Сперва она может показаться несерьезной и, может быть, даже детской. Но я уверяю тебя, что каждый элемент этой притчи воплощает в себе вечный принцип полноценной жизни и имеет глубочайший смысл. Сад, маяк, борец сумо, розовый провод, секундомер, розы и извилистая тропа, усыпанная бриллиантами, являются символами семи вневременных добродетелей, ведущих к просветленной жизни. Я также могу заверить тебя, что, если ты запомнишь этот короткий рассказ и те основные истины, которые он содержит, ты будешь обладать всем, что необходимо знать, чтобы вознести свою жизнь до самых высот. Ты будешь обладать всем необходимым знанием и всеми умениями, которые нужны, чтобы существенно повлиять на качество твоей жизни и жизни тех людей, с которыми тебе доведется соприкоснуться. И когда ты станешь применять эту мудрость ежедневно, ты переменишься – умственно, эмоционально, физически и духовно. Пожалуйста, запечатлей эту историю глубоко в своем сознании и носи ее в своем сердце. Только если ты примешь ее полностью и безусловно, в жизни твоей наступят разительные перемены».

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)